

Александр Пелевин

ЗДЕСЬ ЖИВУ ТОЛЬКО Я

ПЯТЫЙ РИМ

АЛЕКСАНДР ПЕЛЕВИН

ЗДЕСЬ ЖИВУ ТОЛЬКО Я

ПЯТЫЙ РИМ

МОСКВА

2016

УДК 82-31
ББК 63.3(2)
П 24

Оформление переплета М. Левыкина.

Художник В. Мироненко.

14+

Издание не рекомендуется детям младше 14 лет

Пелевин А.

П 24 Здесь живу только я. Роман. — М.: Издательство «Пятый Рим» (ООО «Бестселлер»), 2016. — 256 с.

ISBN 978-5-9907593-8-1

В романе «Здесь живу только я» переплетаются две одновременно существующие реальности. Одна соткана из советских сказок 20-х и 30-х годов. Здесь в волшебном городе Ленинграде живет красноармеец Петр, здесь мудрый Ленин, котики и ильич-трава. Здесь Гражданская война превращается в мифическое полотно из фантасмагорий, гротеска и визионерства — но без малейшей доли модного нынче постмодернизма. Здесь нет места для любимой нынче иронии — все настолько серьезно, как только может быть серьезно в сказке. Но эта сказка — о войне.

Другая реальность, в которой тоже будет место войне, пусть и ненастоящей — условное наше время, где живет другой Петр, типичный петербургский интеллектуал-одиночка, дитя постинформационного общества. Так случилось, что Петр устраивается на работу в «Музей пыли» — квартиру советского поэта Юлиана Фейха, погибшего в Ленинграде в годы блокады. И однажды ночью две реальности внезапно проявляются друг в друге, и становится трудно понять, где сон, а где явь. В череде причудливых образов и зыбких видений Петр становится красноармейцем Петром, а весь мир превращается в Ленинград.

Мистический реализм романа — о творчестве, сказках и невыразимой силе созидательного разума. Это история о русском бессознательном, которое не может существовать без героики жизни и смерти. А еще — о мрачном и загадочном Петербурге, в котором выдумка сливается с реальностью. Возможно, такой роман написал бы Борис Виан, если бы он родился в Петербурге. Или Борис Лавренев, если бы он жил в XXI веке.

УДК 82-31
ББК 63.3(2)

© Пелевин А. С., 2016
© Издательство «Пятый Рим»™, 2016
© ООО «Бестселлер», 2016.

ISBN 978-5-9907593-8-1

В тамбуре курят четверо. Первому двадцать пять на вид.
Он выпускает струйку дыма, кашляет и говорит:

«Убили меня в сорок первом, в битве под Киевом, у Днепра,
Видишь, в моей гимнастерке осталась на память о том дыра.
Я похоронен в руинах дома, где мы засели тогда втроем.
Немец для верности кинул гранату в дверной проем».

Второй говорит: «У меня все скучно. Я утонул в шестьдесят шестом.
Были в деревне, купались в речке на тихой заводи под мостом.
Я неудачно нырнул с ограды. Мне было двадцать три.
Господи, посмотри на меня. Господи, посмотри».

А третий смеется: «Прекрасно помню. Мне было пятьдесят.
Я, как нормальный покойник, умер в постели пять лет назад.
В тот день на работе мне стало плохо. Я еле дошел домой».

Четвертый молчит и думает:
«Я живой».

И призрачной белой ночью на Сенатскую площадь приходит курносый призрак с пробитым виском и туго стянутой шарфом шеей и, высунув синий язык, дразнит медный призрак Строителя, а вокруг ведут хоровод пять теней в александровских тесных мундирах, также высунув языки в смертной гримасе.

Нет Петербурга! Нет, и не было!

(Борис Лавренев, «Ветер»)

Пролог

И было такое время. Темное царское время, когда лишь немногие знали о городе, имя которому — Ленинград. Всем, кто слышал о нем, приходилось молчать, чтобы, не дай Бог, это имя не услышали те страшные люди, у которых такой чуткий слух и такие длинные руки, что не ударить и не спрятаться от них даже во сне.

Было время, беспощадное к словам и не знавшее жалости к именам. И у времени были солдаты. Их штыки раздирали строчки, их пули впивались в бумагу, их сабли рубили буквы в нечитаемый фарш из спутанных линий. На слово «Ленинград» вели они свою жестокую охоту. Стоило произнести его за столом в кругу знакомых людей, обронить эти скользкие звуки на улице, шепнуть своему отражению в зеркале, как немедленно вырастали из серых шершавых стен люди в таких же серых шершавых шинелях. И руки их в серых перчатках, жилистые и крепкие, хватали за плечи, крутили, тащили к себе на допрос. Каждый, кого уводили, помнил их губы, такие сухие и черствые под прокуренными усами — нельзя не запомнить губы, произносящие твой приговор.

Сам город был спрятан от глаз и ушей, от птиц и зверей, от всех любопытных и жаждущих видеть его красоту.

Высокими стенами отгородили его, накрыли свинцовыми плитами, стянули потуже колючими пальцами проволоки. Леса и болота появились вокруг этих стен, минными полями и солдатскими заставами перекрыли все пути, ведущие в Ленинград. И сами бы хотели о нем забыть — но не могли, не умели забывать, и от этого еще сильнее охотились за именем города, чтобы не осталось от него даже памяти. Знали они, что город живет до тех пор, пока его имя звучит на губах и приходит во снах.

Удивительное место, не похожее ни на что более, место, из которого не хотелось просыпаться — вот чем был Ленинград в этих снах. Его двухэтажные домики, сложенные из разноцветного камня и увенчанные черепичными крышами, раскинулись по уютным жилым районам. Птицы, парящие над Ленинградом, могли видеть, как извиваются взбухшие вены надземного метро, как расходятся гигантскою паутиной линии проспектов и улиц; и тысячи солнц, ослепляющих птичьи глаза, отражались в зеркальной стройности небоскребов, в необычном соседстве с которыми высились древние храмы с причудливо выгнутыми в ритуальном танце башенками и шпилями.

В самом сердце города небольшое озеро, на берегах которого зеленели деревья центрального парка, отражало в себе пузатые громадины дирижаблей, выкрашенных во все цвета радуги. Это озеро было началом реки Невы; она расплеталась по Ленинграду голубыми нитями сотен каналов, где везли речные трамваи своих пассажиров.

Здесь нет и никогда не было времени: зачем нужно этому городу считать удары своего сердца, если стучать оно будет вечно? Часы нужны тому, кто ждет конца; здесь же нет завершения.

И если ты попадешь в Ленинград, не вернешься отсюда уже никогда.

Он уложит тебя на траву, пальцами майского ветра
станет перебирать твои волосы и расскажет о времени,
которого нет, сладко споет свою песню о чудной стране,
поведает сказки о приключениях красноармейца Петра и
мудрого Ленина. А когда придет закат, ветер опрокинет
вязкое желтое небо над твоей головой и замолчит, чтобы
ты смог услышать, как звенят под ногами затерявшиеся в
траве красные звезды.

Глава первая

Красноармеец Петр идет в гости.

Постаревший от осени дворик, пропитанный затхлостью палой листвы, молчит и слушает ночь. Уже не горят фонари, только матовый свет занавешенных окон разбавляет собой темноту. Темнота здесь настолько плотна, что в ней увязают ноги и мерзнут пальцы. Это один из тех ленинградских дворов-колодцев, где так легко заблудиться, перепутать все адреса и забыть, с чем пришел. Их сотни, таких одинаковых, связанных между собой лабиринтами арок, длинных, почти как туннели метро; и если дожди будут длиться так долго, что эти колодцы заполнит вода, она безнадежно заблудится в тщетных попытках добраться до самого верха и выйти на крыши.

Не видит Петр номеров домов — они густо замазаны белой краской. Он с трудом вспоминает путь к подъезду и движется наощупь, хватая замерзшей рукой шершавые стены. И руки его, красноармейца Петра, такие же крепкие, как и стены, жилистые, с пожелтевшими пальцами, навсегда впитавшими запах папирос. Когда он протирает глаза от набившейся в них густой темноты, в этих глазах остается и желтизна его пальцев, потому что зрачки его — чистые кошачьи огни. Лицо, обтянутое грубым пергаментом кожи, напряглось вздутыми желваками, и мокрые волосы из-под буденовки хищно вползли на упрямый, изрезанный мыслями лоб.

Дверь перед ним опечатана желтой казенной бумажкой — вот оно.

Чуть выше бумажки — небрежная надпись, белым по темно-бордовому:

ЗДЕСЬ ЖИВУ ТОЛЬКО Я

Петр срывает бумажку и осторожным движением тянет дверь на себя — тогда темнота из подъезда, еще более плотная и густая, чем во дворе, рвется наружу и заливает лицо, попадает холодными брызгами прямо в глаза, набивается в ноздри, остается чернильными пятнами на серой шинели. Петр откашливается, протирает глаза и нерешительно делает шаг вперед.

Нога его тут же приобретает мягкость, свойственную обычно плюшевой игрушке, и зависает в трех миллиметрах от туго натянутой нитки. Похоже, что это растяжка, думает Петр. И действительно, рядом он видит связку желтопузых лимонных гранат. Стоит задеть эту нитку — и тут же они взорвутся, забрызгав Петра своим едким и липким соком. Медленно и боязливо перешагнув растяжку, идет Петр дальше, к следующей двери. Он разгоняет рукой темноту и успевает прочесть такую же небрежную надпись:

Я

С минуту он молча стоит, уткнувшись глазами в эту огромную букву. Сдуваются желваки на лице, и твердо сдвинутые брови расплываются в нерешительности, и кожа лица вдруг становится мягче.

Стоп. Куда я иду?

И после этой нежданной мысли он чувствует, как внутри черепной коробки ползет, извиваясь и дергаясь, перебирает бесчисленными своими ножками от затылка к макушке, нервно пошевеливает длинными усиками что-то

скользкое и холодное. Это страх. Петр понимает, что забыл, к кому собирался в гости — да и это уже совершенно не важно. Важно унять это ползающее внутри головы насекомое, чтобы сердце стучало не так быстро и чтобы не дрожали руки, растерявшие свою былую твердость.

Еще одна многоножка проползает вдоль позвоночника, а третья свернулась тугим и колючим кольцом в животе.

Растерянно дергается правое веко.

«Надо стать самому этим страхом, чтобы его победить», думает Петр. «Врут, что у страха глаза велики; у него и вовсе нет глаз, он слеп, и единственное, чем он чувствует окружение — длинные усики на голове. Надо стать темнотой, и тогда смогу видеть сквозь стены».

Он пытается стать темнотой, глотает ее, набирая полные легкие; и тогда его ноги вдруг исчезают, а деревянные пальцы перестают шевелиться. Он сползает по стенке вниз, туда, где оседает вязкая черная масса — и вскоре она становится теплой, как стоячая вода в середине июля. Петру становится хорошо и удобно, тело его вытягивается, становясь длинным и гибким, и ног у него теперь больше в несколько десятков раз. Он шевелит усиками; тогда впереди расступается непроглядная ночь, и ее цвет превращается из черного в серый, обнажая сырые костлявые стены.

Он ползет по коридору к следующей двери и на ней видит корявую надпись, выведенную все той же рукой:

ПОЛЕЗНЫЕ МНЕ ЛЮДИ

Забавный человек, бесполезных людей он бы сюда не поселил.

Из-за этой двери доносится чей-то бормочущий голос. Отлично, думает Петр, там кто-то живой — а значит, я смогу подкрасться к нему в темноте и проникнуть через затылок внутрь, о да, в нем будет тепло и уютно, и пусть ему будет так же страшно, как мне пять минут назад.

И он ползет к двери — сначала по полу, потом по стене, а затем переползает на потолок, чтобы можно было атаковать жертву сверху.

Он проползает в тесную щель между дверью и потолком.

Темноты больше нет, и он видит чистый, неестественно ярко освещенный коридор. По нему идут четверо — один впереди, еще трое сзади, и тот, что впереди, идет робкими и нерешительными шагами. Кажется, ему страшно. Очень страшно. Сзади раздаются другие шаги — ровные и твердые.

Петр ползет вперед, к этим людям. Ему кажется, что, увидев его, этот человек попросту умрет от страха. И ему нравится думать об этом.

И в тот самый момент, когда человек замечает его, где-то наверху раздается телефонный звонок, а на кровать прыгает кот, и его мокрый нос начинает исследовать щеки Петра.

На долю секунды перед тем, как открыть глаза, он видит свое настоящее лицо — оно такое мягкое и тяжелое, с ровным овальным подбородком, бледноватой и гладкой кожей, большими глазами цвета пасмурного неба; и небо в окне действительно пасмурное, только его наполовину закрывает наглая и самодовольная кошачья морда.

Вновь закрыв глаза, Петр вызывает перед внутренним взором последние кадры сна, чтобы увидеть его продолжение. Но кот так настойчиво и топчется по его телу, будто заявляя, что ничего хорошего там больше не покажут и пора все же вставать.

Пожалуй, кот прав, думает Петр. Действительно надо вставать. Забавно бывает, когда коты знают распорядок дня своих хозяев лучше, чем сами хозяева. Особенно если этого распорядка как такового нет.

Кровать долго не хотела выпускать Петра из своего тепла. Едва откинул он одеяло, как мелкие гусиные му-

рашки, забегавшие по коже, отчетливо дали понять, что теперь будет холодно.

Надо вставать.

Он уселся на край, дотянулся ногами до тапочек и посмотрел в окно.

Его звали Петр Алексеевич Смородин. Он жил один. О том, что сегодня день его рождения, он вспомнил не сразу.

Кажется, еще вчера, когда он заснул, было лето. То есть уже не совсем лето — то был теплый солнечный сентябрь желто-зеленого цвета. А теперь цвет исчез, как будто заснул вместе с ним, Петром, да так и не проснулся.

Стрелки настенных часов, видимо, тоже еще не проснулись — вялые и сонные, они беспомощно висели, указывая на четыре часа дня. Смородин стоял у подоконника и курил, уткнувшись взглядом в помятое октябрьское небо. Дождь расчерчивал прозрачной полоской окно и монотонно стучал по стеклу. Окно выходило на двор; Петр жалел, что этот опостылевший вид нельзя переключать, подобно каналам в телевизоре. Все та же детская площадка с недавно покрашенными в зеленый цвет скамейками, все та же кирпичная дорожка, все те же деревья, листва на которых еще не успела окончательно заоченеть и свернуться в усохшие твердо-коричневые трубочки. Возле качелей сидела собака, она мокла под дождем и уныло завывала своим противным голосом. Ей почему-то не приходило в голову спрятаться под скамейку — впрочем, собаки глупы.

Собаки глупы, радостно поддержал эту мысль кот и вспрыгнул на подоконник, дабы дать Петру возможность почесать его за ухом. Вдоволь насладившись процессом, он спикировал на пол и отправился в кровать с целью досматривать за Петра его сны.

Кота звали Карл Фридрих Иероним фон Мюнхгаузен.

Умывшись, Смородин прошел в кухню. На подоконнике он обнаружил недопитую бутылку красного вина. За-

брался с ногами на диван, схватил бутылку и сделал несколько глотков.

И тогда в его мозгу проявилась двумя отчетливыми цифрами первая за сегодняшнее утро здоровая мысль, а вместе с ней на кухню вбежал кот.

«Двадцать пять», — подумал Смородин.

— Двадцать пять, — повторил он вслух и отпил еще вина.

Кот запрыгнул на диван, глаза его забегали от Петра к бутылке вина и обратно.

— Мне двадцать пять, — снова повторил он. — И с этим надо что-то делать. Ты согласен со мной, Карл?

Кот наклонил голову влево.

— Пожалуй, с сегодняшнего дня, — Смородин сделал еще один глоток, — я начну новую жизнь.

В глазах Мюнхгаузена появилось истинно кошачье выражение удивления и скепсиса.

— Да-да, не смейся, новую жизнь.

Смородин поставил бутылку на стол, откинулся на спинку дивана, обхватив руками колени и снова заговорил:

— Больше никаких ночных бдений. Ночью спать, утром просыпаться. Да-да, именно утром. Никакого алкоголя в одиночестве. Никаких поблажек собственной лени. Найду нормальную работу и буду зарабатывать нормальные деньги. Никакого нытья по Сонечке. Ты, дорогой мой, больше не услышишь от меня ни слова об этой даме.

Если б коты умели хохотать во весь голос, Мюнхгаузен так бы и сделал. Но он только лениво повел ухом и прикрыл глаза.

— А с первой зарплаты... — Смородин задумался, — я куплю себе новый костюм. Как у Каневского. Интересно, придет ли он сегодня? Вроде бы я приглашал его вчера.

Во дворе снова послышался собачий лай. Смородин выглянул в окно: собака приставала к толстой даме, которая

несла из магазина два огромных пакета. Дама пыталась отбиваться и громко ругалась.

— Или позавчера?

Он посмотрел на кота, словно ждал от него ответа.

Но вместо ответа из коридора послышалось наглое карканье дверного звонка. Смородин пожалел, что под рукой нет рогатки, иначе он охотно прибил бы не вовремя залетевшую ворону. Звонок раздался еще раз — уже протяжнее и громче, явно стараясь привлечь к себе излишнее внимание. Смородин вздохнул, накинул на себя рубашку и пошел открывать.

Человек, в столь ранний час успевший дважды лишиться кнопки дверного звонка девственной тишины, оказался пресловутым Германом Каневским, старым другом Петра и просто хорошим парнем. Его стройное тело почти двухметровой длины было упаковано в серое двубортное пальто с погончиками, под которым угадывался идеально сидящий клетчатый костюм-тройка цвета мокрого носорога, спящего за решеткой зоопарка после майского дождя. Из-под воротника белоснежной сорочки неприлично вылезал дразнящий язык узкого оранжевого галстука, а украшенная выразительно черными глазами, барельефным носом, приятной улыбкой и мягкими смолистыми волосами голова была увенчана серой фетровой шляпой. Это был обыденный его гардероб, за исключением галстука: оранжевый галстук Герман повязывал только по праздникам. В левой руке он держал никак не гармонирующий с остальным внешним видом черный полиэтиленовый пакет, внутри которого достаточно пристальный взгляд мог бы рассмотреть две бутылки тринадцатого портвейна и небольшую коробку.

— Здравствуй! — Герман шагнул за порог и радостно протянул свою руку с длинными тонкими пальцами, предварительно успев стянуть с нее перчатку.

— Привет, — Петр пожал руку и улыбнулся. — Почему ты не позвонил и не предупредил, что придешь?

— У тебя был выключен телефон, — быстрым шагом он вошел в квартиру, уселся на табурет и принялся стягивать с ног свои остроносые черные ботинки. — К тому же позавчера ты приглашал меня в гости. Сегодня твой день рождения.

— Черт, и правда, — смутился Смородин. — Значит, с днем рождения меня!

— С днем рождения тебя! — Герман встал, не успев до конца снять второй ботинок, и заключил именинника в крепкие объятия.

Две бутылки портвейна вскоре переключались на стол, а затем к ним присоединились два бокала и извлеченный из того же черного пакета небольшой торт-суфле, поверхность которого представляла собой геометрически правильную розово-голубую спираль, украшенную в центре ярко-красной вишенкой.

— Это гипноторт, — пояснил Герман и крутанул торт на вертявой подставке, отчего спираль пришла в движение. — Он гипнотизирует. А еще его можно есть. Уверяю тебя, это вкусно.

— Давай же съедим его, пока он не съел нас. — Смородин только сейчас осознал, насколько он проголодался.

Герман остановил движение спирали метким ударом ножа, вырезал кусок торта и шмякнул его на блюдце; затем снова закрутил подставку, снова воткнул нож и положил еще один кусок себе. Смородин откупорил первую бутылку портвейна и разлил божественный напиток по бокалам.

— За тебя! — Герман чокнулся бокалом с Петром и отпил небольшой глоток. — Как у тебя вообще дела? На работу не устроился?

— Да в общем-то нет, — замялся Смородин. — Как раз подумывал сейчас, не поискать ли работу.

— Отлично! — перебил его Герман. — Это значит, что у меня есть для тебя подарок, — с этими словами он

вытащил из кармана блокнот, раскрыл его на последней странице и вручил Смородину небольшой листок бумаги с нацарапанным на нем телефонным номером.

Смородин взял бумажку. Под номером было приписано: «Грановский Илья Валерьевич».

— Это номер моего бывшего преподавателя режиссуры, — продолжил Герман. — Сейчас он отошел от университета и открыл на Маяковской музей. И туда требуется ночной смотритель. Платят прилично.

— Сколько? — поинтересовался Смородин. — И что это за музей?

Герман глотнул еще немного портвейна.

— Дом-музей Юлиана Фейха, также известный как «Музей пыли». Ты читал Фейха?

Смородин пожал плечами:

— Мне много о нем говорили. Но так и не дошли руки.

— Всячески рекомендую при случае зачесть. Замечательные стихи. Да и жизнь самого автора довольно интересна. Тебе понравится там работать.

— Хорошо, — Смородин отложил бумажку на стол. — Позвоню завтра. Сегодня я все равно буду пьян.

— Значит, завтра! Но обязательно позвони. Не стоит сидеть без работы в такое время. И почитай стихи Фейха, обязательно почитай. Кстати, как твои панические атаки?

— Все так же, — вздохнул Смородин. — Позавчера опять накрыло в метро. Впрочем, обо мне неинтересно. Расскажи о себе.

Герман покачал головой и прищелкнул языком.

— Плохо, — и посмотрел в окно. — С чего начать? С личного или с рабочего? То есть сначала хорошую новость или плохую?

— Начни с личного.

— Значит, как ни странно, хорошая новость! — Герман впился зубами в кусок торта, торопливо прожевал и

продолжил. — Я познакомился с чудным существом, а ты сейчас попробуешь угадать его пол.

Он извлек из кармана пиджака мобильный телефон и показал Смородину фотографию худощавого молодого человека с женственными чертами лица, не лишённого признаков симпатичности, присущей, впрочем, обоим полам.

— Ээээ... — нерешительно протянул Смородин. — Меня не покидает смутное ощущение, что это девушка.

— Его зовут Дарий. Красивое царское имя, — Герман с нескрываемым чувством гордости спрятал телефон обратно. — Мы познакомились с ней на съёмках последней передачи. Он очень милый, у нее высшее образование и красивая фигура. Когда я впервые увидел его, сперва подумал, что это девочка, которая выдает себя за мальчика. Но затем разговорился с ней, понаблюдал за его жестами и манерой говорить и пришел к выводу, что это мальчик, косящийся под девочку, которая выдает себя за мальчика.

— А оказалось, что это девочка, которая косит под мальчика, косящего под девочку, которая выдает себя за мальчика? — рискнул предположить Смородин.

— Бинго, друг мой! — радостно воскликнул Герман. — Черт возьми, мне захотелось затащить его в постель исключительно из научного интереса, чтобы узнать, какого оно пола!

— И узнал?

— О да, — Герман сладко прикрыл глаза, предавшись на пару секунд воспоминаниям, и сделал еще один глоток портвейна. — Только вот... Даже в постели я иногда теряюсь и не знаю, с какой стороны подступить — сзади или спереди.

— Не волнуйся по этому поводу. Какая тебе разница? — успокоил его Смородин.

— И правда!

Герман допил стакан, судорожно крикнул, поймав момент прохождения портвейна через пищевод, после чего

вытянул из кармана портсигар, достал сигарету и закурил, откинувшись на спинку стула.

— И если бы не было таких проблем на работе, — продолжал он, — я был бы счастлив.

— А что с работой? — Смородин пригубил еще портвейна, стащил у Германа сигарету и тоже закурил.

— С работой все плохо. На нас подает в суд Мухляков.

— Мухляков? — от удивления Смородин выпустил правильное колечко дыма, что удавалось ему крайне редко. — За что?

— Помнишь скетч про усы?

Смородин не смог сдержать улыбки, вспомнив скетч про усы, из-за которого в прошлом месяце разгорелся нехилый скандал. В этом скетче усы Никиты Мухлякова спорили между собой о том, кто из них сыграет роль Иисуса в экранизации Библии, права на которую Мухляков купил еще в прошлом году. Правый ус настаивал на том, что эта роль по праву принадлежит ему, поскольку именно его Хозяин чаще всего утирает правой рукой; левый настойчиво оспаривал его мнение. Когда дело дошло до драки, появился сам великий режиссер в роли Бога, заявивший, что его усы будут играть апостолов Петра и Павла, роль Иисуса отдана Саше Безногому, а следовательно, повода для ссоры нет. Заканчивался скетч троекратным «аллилуйя» и пением церковных гимнов.

— Так вот, — продолжил Герман, — если Мухляков выиграет процесс (а он его выиграет), нам придется платить нехилый штраф. А денег у нас нет. Соответственно, студию придется продавать.

— Мда, — Петр потушил окурок и отрезал себе еще один кусок торта. — Неужели все так плохо?

— Не совсем. У меня есть домашняя студия, на которой я смогу делать всякие небольшие вещи. Денег у меня почти не будет, но зато будет свобода творчества. А это все-таки важнее. На самом деле нет. Ну да ладно. Кстати,

ты, кажется, как-то говорил, что у тебя есть хорошая идея для видеоклипа?

— Да, у меня есть одна идея...

Его речь прервалась звонком в дверь.

— Кого сюда еще занесло? — он поднялся из-за стола и поспешил открыть.

На пороге стояли двое.

Первой, кого обнаружил за дверью Петр, оказалась Сонечка.

На ней было короткое пальтишко цвета венозной крови, а чуть повыше, если не всматриваться в пухловатые губы, выкрашенные ярко-алым (не надо, не надо всматриваться), в гладкие теплые щеки (выше, выше) и в глаза (не смотреть!), можно было, минуя лицо, полюбоваться такого же цвета шляпкой, слегка заломанной на правый бок.

Петр сглотнул слюну: встреча с этой женщиной не сулила ничего хорошего, что, впрочем, и было уже проверено пару месяцев назад.

Сонечка училась на филфаке и любила стихи. Она не пропускала ни одного поэтического вечера; одно время даже пыталась что-то писать сама. Написанное не понравилось ей. Выступать на сцене она стеснялась, зато беззастенчиво слушала каждого симпатичного юношу, читающего вслух рифмованные строчки. Она любила богемную жизнь, а богемная жизнь любила ее, поскольку Сонечка оказалась весьма образованной и начитанной — спала она только с поэтами. Лишь для Петра, который в жизни не написал ни одного четверостишия, она сделала исключение, о чем и сообщила ему на следующее утро. Тем не менее через день Петр вновь пришел к ней — с цветами и сборником Бродского.

— Привет! — Сонечка чмокнула его в щеку жизнерадостным комариным укусом. — С днем рождения тебя! Знакомься, — она показала рукой на своего спутника. — Это мой друг, художник Венедикт Никонов. Веня, это Петр.

Без особого удовольствия он пожал протянутую ему руку и только потом перевел взгляд на парня, которому эта рука, вне всякого сомнения, принадлежала. Он был скорее худощав, нежели строен, с длинными, почти жидкими светлыми волосами, чуть ли не стекающими под футболку с изображением Энди Уорхола, который выглядывал из металлической пасти кожаной куртки на сломанной молнии. Обезьянья челюсть его, ошипованная мелкой колючей бородкой, слегка выдавалась вперед. Если опустить взгляд чуть ниже подбородка Уорхола на футболке, можно было заметить аккуратно порванные на коленях джинсы, зауженные книзу по дурной моде последнего десятилетия.

— Рад познакомиться! — скороговоркой выпалил Венедикт.

— Добрый день. Проходите.

Петр впустил обоих в квартиру и закрыл за ними дверь.

Так начался первый день его новой жизни.

***

— Значит, вы художник? — Герман затушил сигарету и откинулся на спинку стула, придирчиво оглядывая Венедикта с ног до головы.

— Да! — ответил тот.

— А где можно ознакомиться с вашими картинами?

— Вы не совсем поняли, — сказал Никонов, почесывая бородку. — Я актуальный художник. Мои краски — это мой протест против буржуазной системы, а мои полотна — размякшие в обывательской лени человеческие умы. Я возглавляю контркультурную арт-группировку «Фронт Освобождения Искусства». Кстати, в эту пятницу в галерее «Бобры» пройдет наш очередной перформанс.

— Аааа, — протянул Герман. — Так вы занимаетесь тем, что называется современным искусством? Так бы сразу и сказали.

Он налил в бокал еще портвейна и осушил одним глотком.

— Знаете, — продолжил Герман, — Не так давно я повесил на дверь моего туалета табличку «Выставка современного искусства». Теперь каждый день я отправляюсь туда и совершаю перформанс, а то и целый хэппенинг.

У окна усмехнулся Петр. Он стоял, облокотившись на подоконник, и курил, с трудом вникая в разговор. Он был пьян. Голова болела.

— Веня, расскажи о своей новой идее! — попросила Сонечка, выпустив перед этим пару дрожащих дымных колечек в сторону Германа. Колечки пролетели над столом, изящно обогнули Германа и уткнулись Петру в спину. Тот недовольно повел плечом, и колечки повернули восвояси. Некоторое время они неприкаянно летали по кухне, а затем одно за другим нанизались на горлышко бутылки портвейна и успокоились на веки вечные.

— Мой новый перформанс, — начал рассказывать Никон, — будет заключаться в следующем: я насру...

— Дальше можете не рассказывать, — перебил его Герман.

— Нет-нет, — подал голос Петр, — в современном искусстве важно, где насрать, куда насрать и что при этом говорить. Продолжайте.

— Так вот, — смущенно продолжил Веня. — Я насру в галерее перед фотографией художника Бренера, выкрикивая при этом «Бренер, Бренер!» и читая свои стихи.

— Простите, я снова вас перебью, — заметил Герман. — Но, по-моему, срать и читать вслух собственные произведения — в вашем случае понятия неотличимые. Впрочем, продолжайте, мне уже даже интересно.

— Да выслушайте уже меня! — Веня сорвался на крик. — Затем в дело вступают мои соратники — художники. Один из них положит на кучку моих испражнений свою картину, а затем тоже насрет на нее, выкрикивая при

этом «Никонов! Никонов!» и читая свои стихи. Затем на эту кучку возложит свою картину следующий, и так далее. По мере роста этой конструкции следующие участники будут использовать табурет, а затем и стремянку. Называться перформанс будет «На плечах гигантов».

— Гениально! Гениально! — заплодировала Сонечка.

— Это стоило назвать «Преемственность и цитирование в современном искусстве» и подавать не как перформанс, а как семинар, — подытожил Герман.

— Вы не очень-то жалуете современное искусство, — догадался Веня.

Успев ухватить последний кусок гипноторта, Сонечка решила переменить тему.

— А ты сегодня неразговорчив, — обратилась она к Петру.

— Я всегда неразговорчив, — пробурчал тот.

— Сегодня особенно.

— Я знаю.

— Как твои панические атаки?

— Прошли месяц назад.

На кухне повисла тишина. Так бы она и висела, несчастная, под потолком, размеренно покачиваясь и вываливая посиневший язык, если бы Петр не обрезал веревку, начав говорить:

— А у меня был один знакомый, который работал в магазине. Этой зимой он поскользнулся на скользких ступеньках, наклеивая объявление «Осторожно, скользкие ступеньки». Упал вниз головой и умер.

На последних словах он рассмеялся, но его примеру никто не последовал.

Не дожидаясь, пока тишина снова совет себе на люстре петлю, Сонечка встала с колен Венедикта (поэтому Петр и стоял к ним спиной) и отправилась в ванную, сообщив напоследок, что скоро вернется.

Она была пьяна.

Через пару минут Венедикт вскочил со стула и, слегка покачиваясь от выпитого портвейна, отправился в ванную следом за ней.

— Что-то она слишком долго. Пойду посмотрю. — сказал он, уходя.

Герман и Петр остались вдвоем. Петр отошел от подоконника, уселся на стул и обхватил голову руками.

— Все-таки не понимаю, — заговорил Герман. — Что ты нашел в этой девице. Она глупа. И тот факт, что она выбрала себе этого Никонова, прекрасно это подтверждает.

— Ты не знаешь, — тихо и медленно сказал Петр.

— Не знаю. Но прекрасно все вижу.

— Я перепил. У меня болит голова.

— Значит, не будет похмелья.

— Не будет. — Петр провел рукой по лицу и закрыл глаза. — Как думаешь, чем они занимаются в ванной?

Оттуда донеслось еле слышное пыхтение.

— Полагаю, беседуют о современном искусстве.

Вместо ответа Петр брезгливо поморщился, схватил пульт телевизора и с силой надавил на первую попавшуюся кнопку, будто пытаясь выжать из пульта остатки зубной пасты. Ни на одном канале он не задерживался больше нескольких секунд.

— ...от жары чуть удар не сделался. Даже что-то вроде галлюцинации было. Нет, пора все бросить и в Кисловодск.

— ...женское «Динамо» впервые в своей истории выиграло кубок России по хоккею с мячом...

— ...христианское милосердие — это милосердие не к одному человеку, а ко всему миру. Поэтому Пушкин — вот то созидающее начало, которое всем нам необходи...

— Надя стойко приняла удар и вместо того, чтобы расстраиваться, всю ночь успокаивала Катю, которой непросто далось решение...

— ...и теперь вы можете купить ее по суперцене!

— Я очень хотела быть мафией! Я не мафия.

— ... мы нажали кнопку — вот мы хотим, чтобы кого-нибудь наказали.

— ...жанр для несколько других людей. Оперетта, конечно, демократичнее...

— Да, это глупо(закадровый смех).

Телефонный звонок с утра, ее радостный голос, ее светлое солнечное «да». Сегодня он наконец-то снова увидит ее! Будет любоваться хитрой улыбкой, держать ее руку в своей, прятать лицо в светлые волосы и безудержно целовать. Все будет так же, как и в первые дни, будто и не было этих двух недель без нее, будто все началось только вчера и теперь продолжается с новой силой.

Петр быстрым шагом двигался по залитой солнцем набережной, и перед его глазами играли разноцветные калейдоскопы, а в ушах сладко переливались голоса заоблачных менестрелей. Горячий воздух вибрировал, словно чувствуя, как дрожит его сердце, околдованное эйфорической радостью. Весь мир смеялся вместе с Петром и гладил солнечными лучами его волосы, иногда почесывая за ухом — и тогда он чувствовал себя мартовским котом и хотел кричать от счастья.

Когда он дошел до метро и уже готов был увидеть дантовский Эмпирей, в кармане зазвонил телефон.

— Да, Сонечка! Я уже у метро, скоро буду!

Ее голос в трубке был уставшим:

— Извини, я сегодня не смогу.

Петр остановился.

— Подожди. То есть как?

— Не могу и все. Извини.

— Подожди, подожди... Может быть, что-то случилось?

— Все нормально. Не переживай. Просто не смогу.

— Да почему? — Петр повысил голос, сам того не заметив.

- Потом расскажу. Когда увидимся в следующий раз.
- Когда? — телефон стал скользить в мокрой ладони.
- Может быть, на следующих выходных.
- Может быть?
- Может быть. Не знаю. Как-то оно все...
- Как? — его голос задрожал. Он все понял.
- Да вот как-то так. Извини. Пока.

Ее слова сменились короткими гудками — такими же короткими и нелепыми, как ее смущенное «извини».

Теплый разнеженный сентябрь вдруг превратился в октябрь — и весь мир, до того момента сладко припекавший солнцем неприкрытую голову, вдруг ливнем обрушился на Петра, мокрым холодом затекая за воротник его рубашки. Секунду спустя октябрь стал ноябрем, и мир стал бить Петра по лицу колючими пощечинами ветра с Финского залива. И когда ноябрь за одно мгновение сменился декабрем, а затем январем и февралем, весь мир, вся чертова вселенная, все созданное когда-либо господом богом мигом заледенело, не успев стечь с крыши дома. Оно повисло над головой Петра огромной двухметровой сосулькой; и едва февраль стал мартом, оно с оглушительным колокольным звоном сорвалось вниз и рухнуло на голову. Врезалось ровно в темечко заостренным концом, пробив череп и войдя в мозг, затем размолотило язык и зубы, прошло насквозь все тело: рассекло сердце, легкие, желудок и печень, переломало ребра и вышло из правой ступни, пригвоздив Петра к замерзшему асфальту до следующего лета.

— Слушайте все! Не тратьте патроны! Нужно дождаться, когда монстр подберется ближе, чтобы нанести точный удар!

— То есть можно дозвониться. Услышать голос живого человека, интонацию. Это другое...

— ...поднять уровень боевой готовности армии Соединенных Штатов по всему миру...

— ...позволяет также добавлять воду прямо во время готовки. Обратите внимание. Чтобы ваша пароварка заработала...

— А второе я сделал специально для Пикачу. Видите, я смешал его с гелем!

— Пожалуйста, перестань.

— ...новый нападающий явно не справляется со своими обязанностями, и вот мы видим, как его мяч...

— Пожалуйста, успокойся и перестань.

— ...и очень может быть, что мы никогда не осознаем фатальности этой ошибки...

— Успокойся и перестань щелкать каналы, — Герман выхватил пульт и выключил телевизор.

Петр поднял глаза к потолку: тишина затянула шею петлей, прыгнула с люстры и закачалась, тело ее выгнулось в судороге, лицо покраснело и перекошилось.

Через несколько минут Сонечка и Венедикт вышли из ванной — потные, разгоряченные. Они прошли в кухню, смеясь. Петр посмотрел на них, и его правое веко задергалось.

— Убирайтесь отсюда, — произнес он так слабо, что даже тишина продолжала качаться под люстрой, не услышав его слов.

Они растерянно переглянулись и обменялись улыбками.

— Убирайтесь, — сказал он тверже.

Герман молчал. Тишина перестала качаться и спустилась на веревке пониже, чтобы как следует все расслышать.

— Просто убирайтесь к чертовой матери. Я надеюсь, что никогда больше не увижу вас. Я не хочу больше видеть вас.

Из-за угла коридора в кухню осторожно заглянул кот.

— Слушай, это конечно твое дело... — начала Сонечка.

— Мое. Это мой дом. Здесь живу я. Здесь живу только я. Убирайтесь отсюда! — неожиданно взревел он, встав со стула и вцепившись руками в край стола.

Сонечка взяла Никонова за руку и, не оборачиваясь, быстрым шагом пошла к двери. У самого порога Венедикт оглянулся и увидел, что Петр до сих пор стоит у стола с бешеными глазами и тяжело дышит.

— Ты злой, — сказала Сонечка. — Если бы у меня был муж, ты бы убил его.

— Я приду поплясать на ваших могилах, — ответил он, отдышавшись. — Закрой за ними дверь.

И опустился на стул.

Герман направился к двери и выпустил их из квартиры, сухо попрощавшись с Никоновым коротким рукопожатием.

Когда он вернулся на кухню, Петр сидел в той же позе, нервно потирая рукой подбородок и разглядывая крошки от торта на столе. Его лицо оставалось красным, и правое веко по-прежнему дергалось.

Вокруг его ног крутился Мюнхгаузен.

— Ты правильно сделал, — сказал Герман. — Меня от них воротит.

Петр молчал. Герман пододвинул к нему стул и сел рядом.

— Успокойся, — он положил ему руку на плечо.

Петр недовольно дернулся. Герман убрал руку, встал и подошел к окну. Закурил.

— Где они? — спросил вдруг Петр.

— Они ушли. Ты прогнал их.

— Да, помню.

Он снова стал разглядывать стол. Через минуту спросил:

— А где они?

Герман обеспокоенно заглянул в его лицо: оно по-прежнему было красным, на лбу вздулись вены. Веко все еще дергалось.

— Эй, что с тобой? — Герман вновь сел рядом с ним.

— Где они?

Взгляд Петра отчаянно забегал по комнате.

— Где?

Резкими движениями он похлопал себя по карманам, затем встал со стула и выглянул в окно.

— Где?! — он сорвался на крик.

Герман схватил его за плечи и попытался усадить обратно. Петр сел. Было слышно, как тяжело и часто он дышит.

Петр содрогнулся от страха. Он почувствовал, как по позвоночнику ползет жирная белая многоножка. Еще одна тварь обвилась вокруг его горла и с силой сдавила. Стало трудно дышать. Взглянул на пальцы — они были белыми и шевелились. Он мигом вскочил со стула и вновь подошел к окну — на пол посыпались тысячи маленьких насекомых. Они хрустели под ногами. Петр зажмурился и увидел собственное улыбающееся лицо — без глаз, но с длинными усиками, растущими из затянутых кожей глазниц. Тогда он закрыл лицо руками и закричал.

— Где?!

— Да что с тобой?

Петр открыл глаза и увидел серый потолок своей комнаты. Он лежал на кровати. Рядом на стуле сидел Герман.

— Ну как ты? — спросил он.

Петр приподнял голову и растерянно огляделся по сторонам. За окном было уже темно; накрапывал дождь. В ногах свернулся клубком Мюнхгаузен.

— Как ты? — повторил Герман.

— Что это было? — Петр услышал свой голос со стороны, он был слаб и хрипловат.

— Ты ничего не помнишь?

— Нет, — он снова уронил голову на подушку.

Герман прищелкнул языком и тяжело вздохнул.

— Ты стал кричать и упал на пол в судорогах. С пеной на губах.

— Черт возьми... — зло прошипел Петр.

— Несколько раз ты приходил в сознание и даже что-то говорил. Я вызвал скорую — они сказали, что это банальное алкогольное отравление. Но мне кажется, что тебе надо посетить врача. Это серьезные проблемы.

— Я ничего не помню, ничего. Мне стало страшно, а потом... А потом я проснулся.

— Прошло пять часов.

Петр потрогал рукой лоб. Сильно болела голова.

— Я хочу спать, — сказал он. — Я очень хочу спать. У меня болит голова.

— Спи, — ответил Герман. — Не буду мешать.

Петр отвернулся к стене и моментально заснул.